

"Is There an Ecological Ethic?" Reprinted and translated into Russian in L. I. Vasilenko and V. E. Ermolaeva (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences) eds., Globalniye Problemy i Obshchechelovecheskiye Tsennosti (Global Problems and Human Values) (Moscow: Progress Publishers, 1990), pp. 258-288.

Холмс Ролстон III

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ЭТИКА?¹

«Экологическая совесть»² — такое название представительной экологической антологии сразу привлекает к себе внимание. Казалось бы, ни в слове «совесть», ни в определяющем его прилагательном, которое хорошо знакомо, нет ничего странного, но сочетание этих терминов сразу озадачивает. Нас несколько не смущает, если говорят о христианской или гуманистической этике, но мы не можем принять соединение нравственно-этического термина в качестве существительного и естественнонаучного в качестве прилагательного, когда предлагают, к примеру, «биологическую совесть» или «геологическую совесть». Страстное увлечение экологией достигло своего крайнего выражения в широко известном сборнике «Ниспровергающая наука»³. Один из его авторов Пол Сиэрс озаглавил свой очерк так: «Устойчивое состояние: природный закон и нравственный выбор». Замените гомеостазис на гравитацию или энтропию, и Вы увидите, сколь нелепа эта конъюнкция и в этическом, и в естественнонаучном смысле.

Однако ощущение неправильности пропадет, если экологическая этика будет считаться просто этикой, *обращенной* к экологическим проблемам, будь она утилитаристской, гедонистической или какой-либо иной. При этом вовсе не утратится чувство нравственной безотлагательности затрагиваемых вопросов. Такую этику можно привлечь к рассмотрению экологических проблем, напол-

нять ее экологическим содержанием, но ее основополагающие принципы не определяются и не пересматриваются на чисто экологической основе. Аналогично обстоит дело и с медицинской этикой, которая не выводится дедуктивно из медицинских знаний, а только используется при решении медицинских вопросов. Но некоторые авторы обещают нам нечто большее — убедительно обосновать именно выводимость этики из специально-научных знаний. Они утверждают, что новейшая биологическая наука сама формирует (если не сказать — разрушает) этику, в действительности же речь идет о вновь оживляемой натуралистической этике. «Мы должны усвоить урок, что природа сама несет в себе внутренне присущую ей систему ценностей», — пишет Ян Мак-Харг⁴. Сборник статей из журнала «Дедалус» тоже начинается с подобного утверждения: экология как наука — это «здание в виде структуры понятий и законов природы, позволяющих человеку понять свое место в ней. Новое экологическое понимание должно стать единой основой для выбора нравственных ценностей, воздействующих на управление землей в жизни каждого поколения. Следовательно, экология занимает центральное положение среди других дисциплин как наука о взаимодействиях между живыми существами и их окружением»⁵. Задача данной статьи — исследовать, какие исходные экологические положения входят в утверждения типа «Равновесие природы как основание для определения ценностей»? Какие переходные звенья имеются между естествознанием и нравственностью?

Граница между естественной наукой и этикой будет достаточно точной, если мы введем обычное (хотя и не во всем бесспорное) различие описательных и предписывающих законов. Первые формулируются в изъявительном наклонении и относятся к области естественных наук и истории. Вторые всегда императивны и относятся к этике. Нравственная философия, вероятно, наиболее бескомпромиссно оспаривает попытки заменить вопросы, относящиеся к одной области, вопросами из другой, сомневаясь, что вообще можно найти концептуально обоснованный путь перехода между этими областями; всякий же, кто позволяет себе подобные подмены, обвиняется в совершении натуралистической ошибки. Никакой набор фактуальных утверждений сам по себе не содержит никакого оценочного утверждения. Исключение возможно тогда, когда в утверждения о фактах введены некото-

рые дополнительные оценочные предпосылки. Но если провести тщательный анализ, подобная оценка выявится, и этическое содержание отделится от естественнонаучного. Посмотрим теперь, что даст эта трактовка, если применить ее к экологической этике. Будучи естественной наукой, экология описывает то, что происходит. Этика предписывает, что должно быть. Как же с экологической этикой? Если наша трактовка имеет значение, тогда экологическую этику, скорее всего, придется признать путаницей понятий. Или, может быть, она — тот самый парадокс, который позволяет по-иному осветить взаимосвязь между фактами и ценностями.

Но чтобы действительно пролить новый свет, нужна серьезная и основательная защита идей экологической нравственности, которая не упрощала бы понимание всей проблематики. Есть, однако, немало уже сформировавшихся подходов, которые с такой задачей едва ли справятся. Мы считаем возможным разделить их на два класса в соответствии с двумя пониманиями источников нравственности. (А) Отличительным признаком первой группы подходов является, как мы уже слышали, акцентирование роли связи гомеостаза с нравственностью. Назовем ее вторично экологической этикой. (Б) Другое понимание, не являясь неизбежным противоречием первому, превосходит его по значению и основывается на открытии, что нравственный долг внутренне связан с идеей целостности экосистем; отсюда вытекает этика первично экологическая.

Обратимся теперь к аналогии. Пусть нам советуют соблюдать правила сохранения здоровья. Проанализируем это предписание. Естественные законы, обеспечивающие здоровье, вненравственны и действуют независимо от нашей воли. Но, сталкиваясь с этими законами, мы делаем определенный выбор: либо мы их используем ради своего здоровья, либо пренебрегаем ими («нарушаем») во вред себе. Соблюдение правил сохранения здоровья основывается на моральном долге «Вы должны не вредить себе». Аналогично и в психологии, экономических, исторических, социальных и вообще во всех прикладных науках законы описывают то, что происходит в действительности, или было когда-то, или может произойти. Если человек своими поступками вторгается в область действия этих законов, они предписывают, что должен человек сделать, если он стремится достичь желаемой цели. Это техниче-

ское долженствование, связанное с накладыванием на действия человека условия выбора «если — то». Здесь пока еще нет нравственности. Выборы становятся нравственными, как только вводится нравственный принцип, соединяющий действия человека с какой-то целью. Благодаря ему и осуществляется переход от естественного закона к наиболее близкому ему по содержанию нравственному долгу.

Изобразим это в следующем виде:

<i>Технический долг</i>	<i>Естественный закон</i>	<i>Предпосылочный выбор</i> <i>«если—то»</i>
Вы должны не нарушать законы сохранения здоровья	потому что законы сохранения здоровья описывают условия благосостояния	если Вы не хотите навредить себе
<i>Близкий по содержанию нравственный долг</i>	<i>Естественный закон</i>	<i>Предпосылочный нравственный долг</i>
Вы должны не нарушать законы сохранения здоровья	потому что законы сохранения здоровья описывают условия благосостояния	и Вы должны не вредить себе

Допустим на время, что благоразумие — это нравственная добродетель, если нет каких-либо предпосылок большей важности. Насколько применимы подобные схемы к экологической этике?

А.

По-видимому, самым важным в экологической теории является закон о гомеостазисе. В материально-вещественном плане наша планетарная экосистема является закрытой, и жизненные процессы в ней осуществляются на основе рециркуляции. В энергетическом же плане система открыта. Существует баланс между поступающей солнечной энергией и рассеиваемой энергией, экосистемные процессы циклически организованы, негэнтропийные процессы в них неразрывны с энергетической деградацией. Гомеостазис является одновременно и результатом действия процессов, и движением к нему как к цели. Когда системы рециркулированы, достигается и энергетический баланс, но все же системы не статичны, а динамичны, поскольку силы, создающие равновесие, сами вовлечены в поток изменений, так что поиск равновесия сопровождается

ется отклонениями от него, из-за того что во взаимодействии участвуют противоположно направленные силы. Нескончаемая игра сил, ведущих к равновесию и отклоняющих от него, и движет эволюционный процесс.

1. Как перевести все это в контекст нравственных рассуждений? Прежде всего рассмотрим перевод, уже предложенный защитниками экологической этики. Пол Сиэрс в работе «Устойчивое состояние: природный закон и нравственный выбор» пишет: «Судя по всему, люди всегда будут расходиться в вопросах, из чего складывается хорошая жизнь. Но им нет нужды думать и решать по-разному, что необходимо для длительного выживания человека на Земле. Условия выживания достаточно ясны, выжить — наше общее желание. Будучи живыми существами, мы должны согласоваться со своим окружением, научиться жить с хорошим бюджетом в своих руках, помогая, а не мешая осуществлению великих жизненных циклов природы — движению воды, энергии и материально-вещественным превращениям, делающим возможной жизнь как таковую. Мы должны найти пути достижения того, что я назвал устойчивым состоянием, и рассматривать его как цель природы»⁶. Заголовок данной статьи говорит о нравственном долженствовании. Чтобы дать оценку предложенной в ней аргументации, начнем со следующего.

<i>Технический долг</i>	<i>Экологический закон</i>	<i>Предпосылочный выбор «если—то»</i>
Вы должны осуществлять рециркуляцию	потому что экологические системы жизнеобеспечения либо циклически организованы, либо разрушаются	если Вы хотите сохранить человеческую жизнь

Заменив выбор «если—то» на предпосылочный нравственный долг, мы превратим технический долг в близкий по содержанию нравственный долг. Вначале слова «Вы должны» выражали естественную необходимость, наше подчинение экологическому закону, теперь же эти слова означают нравственную необходимость, когда данный экологический закон соединяется с долгом обеспечивать жизнь:

<i>Близкий по содержанию нравственный долг</i>	<i>Экологический закон</i>	<i>Предпосылочный нравственный долг</i>
Вы должны осуществлять рециркуляцию	потому что экологические системы жизнеобеспечения либо циклически организованы, либо разрушаются	и Вы должны сохранять человеческую жизнь

Сиэрс вполне удовлетворился бы принятием предпосылочного нравственного долга в качестве общего момента во многих, если не во всех нравственных системах. Заметим, в каком смысле здесь понимается нарушение экологического закона. Задавая условия устойчивости или нестабильности, законы гомеостазиса воздействуют на нас независимо от нашей воли, но наше подчинение таким законам может стать сознательным, по нашему собственному свободному выбору. Нарушить же экологический закон означает пренебречь его связью с предпосылочным нравственным долгом.

До сих пор рассматривалась экологическая нравственность, которая ориентировала на приспособление к окружающей среде на основе экологической информации, но здесь еще нет такой этики, сами принципы которой определялись бы в прямой зависимости от экологии как науки. Предпосылкой для введения экологического содержания с исходными основаниями этики является классический этический принцип «содействия жизни человека». Если этот принцип экологически переосмыслить, можно будет лучше понять ценностную специфику вопросов, связанных с циклической организацией жизни, к каким бы проблемам мы при этом ни стали бы обращаться — гомеостазиса, распространения ДДТ, стронция-90 и др. Ценности сами по себе не внедрены в природный мир и не должны в нем лежать, но, если человек хозяйствует в мире достаточно благоразумно, миру можно придать ценностное значение.

2. В 1968 году Гаррет Хардин выступил на заседании Американской ассоциации за прогресс науки с докладом «Трагедия пастбищ», который привлек к себе широкий интерес. Аргументация Хардина затем была расширена и представлена в объеме книги, и суть ее сводится к предложению осуществить «фундаментальную перестройку нравственности» на основе экологии⁷. По своей сути но-

вая этика должна быть простой и строиться на основе модели деревенских пастбищ, сколь бы ни стали сложны ее концептуальные разветвления, заслуживающие, конечно, тщательного рассмотрения. Модель эта такова. Все крестьяне вместе пасут скот на одном и том же пастбище, и корма едва хватает на всех животных. Если отдельный крестьянин не будет увеличивать свое собственное стадо, он окажется в невыгодном положении на рынке. Преследуя свой частный интерес, каждый пойдет на увеличение стада, но тогда пастбище не выдержит. Аналогично и с планетарной гомеостатической системой: ее ресурсы конечны, и, если верить модели, очевидна неотвратимость надвигающейся трагедии. (Оправданность экстраполяции спорна, но не об этом здесь речь.) Отсюда следует предписание экологической нравственности — «все должны обуздывать каждого силой и на основе взаимного согласия». Ограничивается свобода роста, чтобы стабилизировать экосистему к взаимной выгоде всех.

Нетрудно выделить здесь собственно этическое содержание. Как и прежде, мы начнем с экологического закона, который определяет выбор, поддающийся нравственной трактовке только при условии введения дополнительного обязательства содействовать жизни.

<i>Технический долг</i>	<i>Экологический закон</i>	<i>Предпосылочный выбор «если — то»</i>
Мы должны стабилизировать экосистему путем взаимного ограничения роста	потому что экосистема стабилизируется лишь при ограниченной нагрузке или же разрушается	если каждый из нас хочет сохранять жизнь каждого человека
<i>Ближайший нравственный долг</i>	<i>Экологический закон</i>	<i>Предпосылочный нравственный долг</i>
Мы должны стабилизировать экосистему путем взаимного ограничения роста	потому что экосистема стабилизируется лишь при ограниченной нагрузке или же разрушается	и каждый из нас должен сохранять жизнь каждого

Раскрывая вопрос о сохранении каждым человеком жизни любого другого, Хардин использует следующую гоббсовскую схему. Каждый человек противопоставляет свое Я сообществу и действует ради своего частного интереса. Но чтобы воспрепятствовать разрастанию богатств бли-

жнего, он ищет компромисса с сообществом и вступает в социальный контракт; действуя теперь с позиций просвещенного частного интереса, он ограничивает свою собственную свободу роста в обмен на ограничение свободы соперника вторгаться в свои собственные дела. В результате получается концепция с поразительно сильно выраженным социальным атомизмом и антропоцентризмом. Это так похоже на постдарвиновскую биологическую модель, в которой остро чувствуется нехватка понимания взаимозависимости и симбиотической кооперации разных форм жизни, на которые как раз и ориентирована нынешняя экология. В итоге становится ясно, что экологическая этика Хардина — это всего лишь классическая этика, применяемая здесь с учетом экологических ограничений.

Таким же образом разрешается вопрос и об экологической нравственности, связанной с демографическим ростом, как это видно, например, в анализе Пола Эрлиха в его книге «Демографический взрыв». Здесь представлена этика дефицита, потому что нравственные проблемы с самого начала замыкаются на вопросы дефицита.

3. Перейдем теперь к более интересным для нас интерпретациям вопросов о гомеостазисе в контексте нравственной проблематики. Томас Б. Колуэлл-мл. пишет: «Баланс Природы предоставляет нам объективную нормативную модель, которую можно использовать в качестве основополагающей для человеческих ценностей. ...Баланс Природы не может служить источником для всех наших ценностей. Это лишь *основа* для определения и выбора любых других ценностей, какие только нам будут нужны. Но все другие ценности должны быть согласованы с указанной основой. Иными словами, баланс Природы — это нечто вроде исходной и высшей ценности. ...Это — *естественная* норма, а не результат человеческих конвенций или же вмешательства сверхъестественной власти. Баланс как бы говорит человеку: «Вот что ты должен делать и за что должен отвечать. Ты должен создавать и эксплуатировать только такие энергетические системы, которые хорошо вписываются в циклическую организацию природных процессов. Человеческие ценности основываются на объективно определяемых экологических отношениях с Природой. Наши цели должны быть согласуемы с возможностями экосистем Природы»⁸

Нравственность и гомеостазис здесь столь тесно спле-

тены, что не сразу видно, как отделить одно от другого и как установить их правильную взаимосвязь. Суть дела заключается в содержании понятий «основа для человеческих ценностей», «высшая ценность», а также в смешении нравственного и естественнонаучного смыслов слова «должен» и, наконец, в идентификации нравственной нормы с естественным пределом. Укажем вначале, где здесь чисто техническое долженствование, и определим нравственный долг как исходную предпосылку, а затем перейдем к нравственному долгу, следующему из этой предпосылки, который по содержанию близок к техническому долгу.

<i>Технический долг</i>	<i>Экологический закон</i>	<i>Предпосылочный выбор «если — то»</i>
Вы должны осуществлять рециркуляцию	потому что несущая в себе ценность экосистема либо циклична, либо разрушается	если Вы хотите сохранить основу для человеческой ценности
<i>Ближайший по содержанию нравственный долг</i>	<i>Экологический закон</i>	<i>Предпосылочный нравственный долг</i>
Вы должны осуществлять рециркуляцию	потому что несущая в себе ценность экосистема либо циклична, либо разрушается	и Вы должны сохранить основу для человеческой ценности

Простейший способ правильного прочтения Колуэлла, если снять все его преувеличения, состоит в том, что «основа для человеческих ценностей» — это только ограничивающее условие, само по себе свободное от ценностей, то есть условие для определения и выбора самих ценностей. Гомеостазис — это не «высшая ценность», а только предусловие для построения системы ценностей, которое необходимо, но не достаточно. Было бы ошибкой утверждать, что «человеческие ценности укоренены в экологических отношениях». Ибо и гомеостазис, и дефицит ресурсов, и сезонные циклы, и характеристики почвы, и сохранение вещества и энергии — все это природные данности, и они формируют только сцену, на которой разыгрывается драма ценностей.

Раздумывая, как лучше распорядиться финансами, я могу спросить: «Как мне истратить деньги?» Вы посоветуете: «Нужно свести концы с концами». Ответ вполне разумен, но он только подготавливает серьезное обсуждение экономических вопросов. Сбалансированный бюджет

необходим, но не достаточен для определения ценностей; «основа для ценностей» имеет здесь смысл только ее возможности, а не фундамента. И мы не находим здесь того, что обычно называют высшей ценностью. Разумеется, верно, что средства для достижения каких-либо конечных целей могут оказаться в прямой роли основополагающих ценностей, если человек попал в отчаянную ситуацию с крайне жесткими требованиями. Если мы лишаемся воздуха, пищи, воды, здоровья, они становятся предметом нашей основной заботы. Если хотите, называйте их тогда основополагающими ценностями, но и здесь они остаются по значению инструментальными, не превращаясь в самооценности. Мы не считаем достаточно зрелым того человека, основные цели которого — это только дышать, есть, пить и быть здоровым — и только. Мы считаем состояние общества застойным, если его основными целями станет только рециркуляция. Утверждение, что природный баланс — это основа для человеческих ценностей, вовсе не означает, что любая этика выводима из экологии, как это может показаться на первый взгляд. Напротив, это утверждение лишь фиксирует необходимую среду для этической активности.

До сих пор экологическая этика довольно легко редуцировалась к классическим этическим вопросам, соотносимым лишь с некоторыми экологическими ограничениями. Основное беспокойство здесь вызывает, если так можно выразиться, принуждающий характер экологических вопросов, а не нравственность. Фундаментальная наука может успешно возвещать о существовании пределов роста, ставить под вопрос привычные предрассудки относительно возрастания уровня жизни, капитализма, прогресса, развития и т. д. Все это, конечно, затрагивает весьма глубокие уровни ценностного сознания человека, но не колеблет нашего убеждения, что здесь мы не выходим за рамки вопросов, что в реальности имеется, что может быть или что произойдет, а значит, и не вступаем в область того, что же должно быть. Сколь бы драматично ни изменилось решение прикладных этических вопросов из-за обнаружения экологических ограничений, едва ли это даст достаточно оснований для того, чтобы отказаться от источников нашей этики, потому что ее задача — как и прежде, содействовать наибольшей полноте реализации человеческих ценностей, если она оптимистична, или же выживанию человека, если она пессимистична. Всякое

благо — это благо именно для человека, а природа ему лишь сопутствует. Ничто здесь не подтверждает идей о какой-то особой правоте природы, она лишь принимается как данность. Этика прежде всего антропологична и лишь во вторую очередь экологична.

Б.

Существует более радикальный тезис, что нравственность выводима из целостного характера экосистемы, и связан он с убежденностью, что экологический подход способен затронуть не только следствия, но и принципиальные вопросы этики. Здесь этика становится экологической по существу, а не по приложениям к определенным случаям.

Вернемся хотя бы к тому же Колуэллу. Он дает нечто большее, чем то, что содержится в предложенной им самим примитивной по содержанию интерпретации. Глубинная интуиция его мысли состоит в том, что имеется такая подчиненность ценностей экологическому содержанию, которую не следует считать вненравственной, до-нравственной или четко отделенной от нравственности. Хотя человек и может определить свои ценности сам, он действует в экологическом контексте, который ориентирует выбор его ценностей на соблюдение того, что требует от него экосистема. Возникает долженствование, являющееся по содержанию экологически дескриптивным: определенные законы действительности подчиняют себе поведение человека и распространяются на сферу его ценностных поисков и выборов. Оно же является и нравственным предписанием: совершив определенный выбор в рамках естественной необходимости, человек нравственно обязан сохранять гомеостазис. Сделаем еще один шаг в русле данного аргумента, и тогда мы легко придем к идее, что следовать экологическим законам природы — это не только быть благоразумным из одних лишь человеческих соображений, безотносительно к окружающей природе в ее внутренних измерениях и с учетом ее внешних ограничений; напротив, следовать именно экологической сути вещей становится фундаментальной целью, или, иначе говоря, само единство человека с его окружением определяет основу для человеческих ценностей.

Создавая свои ценности, человек, без сомнения, выходит за рамки любых экологических предписаний, но его ценности тем не менее основательно согласовываются

с требованиями со стороны среды. Они надстраиваются над гомеостатическим миром. Оценки человека, как и его восприятия и знания, возникают из его экологических взаимодействий, а не только вносятся в их исследование. Сталкиваясь со средой своего обитания, человек находит в гомеостазисе ключевое средство к выбору всех ценностей как их предусловие, но оно таково, что способно именно формировать все другие ценности, делая их соотносенными с собой, включаемыми в создаваемое единство ценностей, экологичными. Сделаем теперь еще один шаг в сторону подтверждения нравственного характера экосистемного единства и введем тот аргумент, который увенчает и разъяснит все остальные.

Защита идеи о нравственной ценности экосистемного единства более всего была вдохновлена, вероятно, работой Олдо Леопольда «Этика земли», оказавшей весьма плодотворной и заслуживающей серьезного внимания. Приведем один из выводов этой работы: «Хороша любая мера, способствующая сохранению целостности, стабильности и красоты биотического сообщества. Все же, что этому препятствует, дурно»⁹. Леопольд искал этику земли, которая помогла бы выйти за рамки чисто экономической целесообразности, безразличной к экологическим требованиям. Как и другие авторы, он близко подходит к идеям рециркуляции, но ясно, что его призывы имеют широкое значение далеко за пределами их непосредственного контекста. Он говорит нам о нравственном долге сохранять экосистемы в их лучших качествах. Мы это интерпретируем более свободно — в наиболее полном выражении целостности, красоты и устойчивости экосистем. Леопольд искал, по его собственным словам, как расширить сферу охвата реальности нравственным сознанием, не ограничиваясь только межличностными отношениями, а вовлекая также и отношения с окружением человека.

Экологический подход здесь уже не сводится только к вопросу, как сформулировать, в чем состоит нравственный долг, чтобы содержание формулировок удовлетворяло экологическим требованиям, но еще сохраняло антропоцентрическую основу, предписывая вместе с тем сохранять экосистемы. Экологический подход проводится здесь на более высоком уровне, где фиксируется предпосылочное долженствование, из которого уже выводится конкретный нравственный долг, совместимый с экологическими требованиями и ближайший им по содержанию,

как мы это уже видели выше при разборе вопросов о рециркуляции.

Ближайший по содержанию нравственный долг

Экологический закон

Предпосылочный нравственный долг

Вы должны осуществлять рециркуляцию

потому что рециркуляция сохраняет экосистему

и Вы должны сохранять целостность экосистем

Отметим, что указанная здесь предпосылка связана с аналогичными аксиомами верхнего уровня в других системах высказываний (это, например, «Вы должны максимизировать благо человека», или «Вы должны не вредить себе и другим», или «Возлюби ближнего как самого себя»). В прежних наших разборах гомеостатическая связь в действительности не влияла на постановку нравственно-этических вопросов, но теперь, когда произошел сдвиг парадигмы, ценности закрепляются за человеком в его единстве с окружающей средой, а не за одним человеком, как раньше.

Нет сомнения, что даже у Леопольда предпосылочный долг зависит от еще более первичного долга — долга сохранять красоту и целостность, где бы они ни встречались. Но этот долг относится к столь же высокому уровню абстракции, как и общие предписания содействовать добру, выполнять свои обещания и пр., и с ними никто не спорит, когда их просто декларируют, не связывая с анализом конкретных ситуаций, поэтому такие формулировки не несут в себе реального теоретического содержания. Существенно значимые ценности появляются, если только внимание обращается на конкретную действительность, дающую привязку ценности к чему-то определенному. В случае Леопольда мы имеем обратную связь этики с экологией, которая предоставляет определенную информацию о предпосылочном долге прежде определения нравственного долга, близкого по содержанию к экологическим требованиям. Существует оценочный элемент, внутренне связанный с понятиями, используемыми в экологическом описании. Это означает, что в результате экологического анализа устанавливается, что такое нравственное благо в определенном фундаментальном смысле, а не только в приложениях. Последовательность действий, которые мы предпримем, чтобы сохранить что-то

природное, без сомнений должна продумываться в свете наших представлений о красоте, устойчивости и целостности экосистем. А эти представления имеют скорее всего сверхприродное содержание, происхождение которого не до конца ясно. Но все, что мы видим в экосистемах прекрасным и целостным, действительно в них есть. Для дальнейшего важно отметить, что мы открываем целостность и красоту как внутренне присущие экосистемам, а не приписываем их от себя. Изобразим это в следующем виде:

<i>Ближайший по содержанию нравственный долг</i>	<i>Экологический закон</i>	<i>Предпосылочный нравственный долг</i>	<i>Экосистемная оценка</i>
Вы должны осуществлять рециркуляцию	потому что она сохраняет экосистему как целое	и Вы должны сохранять целостность экосистемы	потому что целостность экосистемы имеет ценность

Предпосылочный долг здесь уже не является экологически свободным. Он предшествует экологическому закону в том смысле, что через посредство экокзакона ответственность передается от предпосылочного долга к нравственному долгу, ближайшему по содержанию к экологическому требованию. Но независимо от этой связи предпосылочный долг непосредственно следует из экосистемной оценки.

Экосистемная оценка — это не естественнонаучное описание, поэтому, делая такую оценку, мы переходим от экологии к метаэкологии. Никакие специально научные исследования, сколько бы их ни было, никогда не докажут, что нравственное благо совпадает с оптимальностью биотического сообщества. И все же описание экологической реальности порождает такую оценку природы, подтверждая, что экосистемы обладают нравственным статусом. Здесь осуществляется переход от «сущего» к «благу» и затем к «долгу»; мы покидаем территорию науки, чтобы войти в область оценок, из которых и вырастает этика. Предписание осуществлять рециркуляцию имеет технический характер, если оно делается в рамках экологической необходимости, и оно же становится нравственным, как только вводится предпосылка нравственного долга. Предписание, чтобы все лучшее в экосистеме достигло наивысшего и наиболее полного своего выражения, впол-

не выводимо из экологических требований, хотя уже и нет жесткой необходимости в передаче его оценочного содержания.

В своем исследовании мы вначале приняли, что экологическое описание логически (но не хронологически) первично по отношению к экосистемной оценке: первое порождает вторую. Но затем выяснилось, что связь описания и оценки намного сложнее, потому что и описание, и оценка возникают одновременно и часто трудно сказать, что же первично, а что — в отношении субординации. Экологическое описание привлекает понятия единства, гармонии, взаимозависимости, устойчивости и т. д., и все они в той или иной степени оказываются ценностно нагруженными, как только они появляются, потому что мы сами исследуем реальность с определенной установкой дать оценку упорядоченности, гармонии, устойчивости и пр.

Экологическое описание не просто несет в себе определенное подтверждение наличия ценностей и не просто информирует о них; эмпирическое содержание представлений о порядке, гармонии, устойчивости столь же выводится из знания природы, сколь и вносится в ее картину человеком. Для сравнения укажем, что в постдарвиновской картине живой природы мы бы напрасно тратили силы на поиск подобного рода ценностей, какие находим в экологическом описании. Это не значит, что Дарвин отвергается, скорее его идеи и эмпирический материал переосмысливаются в более широком экологическом контексте, который дает возможность укоренить в нем наши представления о гармонии, устойчивости и пр., не имевшие прежде адекватной привязки. Теперь мы способны увидеть красоту там, где прежде не могли ее разглядеть.

Возникает что-то вроде бракосочетания экологического описания и оценки, которые в чем-то взаимно переходят одно в другое, и здесь более всего озадачивает и вдохновляет в плане этики то, что «долг» не столько *выводится* из «сущего», сколько возникает одновременно с последним. Как только мы переходим от описаний фауны и флоры, циклов и биотических пирамид, устойчивости и динамики к сложности, планетарному разнообразию и взаимозависимости форм жизни, к единству и гармонии с оппозицией противоположностей и синтезом и достигаем наконец красоты и блага, становится трудно однозначно фиксировать, где же естественные факты остались позади и где

естественные ценности появились. Немало авторов считает сейчас, что резкая дихотомия сущего и должного — это вчерашний день мысли; они склонны полностью относить к самой экологической реальности и ценности, и факты — в качестве ее системных свойств.

Не раз уже утверждалось, что внеэтичная ценность — это основное средство, чтобы нравственно обязывать, и тем не менее есть нечто новое в том, чтобы привлекать для такой цели экосистему как внеэтичное благо. Все этические учения из нашего культурного наследия связывают ценности и права с личностями, а все, принадлежащее внеличному миру подчиняют личностному. Здесь же предлагается расширить мир ценностей настолько, чтобы природа стала общим благом и перестала быть только собственностью. Как именно открыть, в чем состоит благо, — это весьма деликатная задача, и мы можем только догадываться о путях ее решения. «Ясно, что этика не может быть высказана», — сказал Витгенштейн, — «невыразимое *показывает себя*»¹⁰. В ретроспективном плане укажем на независимые от экологии сходные попытки продвинуться вперед в вопросах, как установить благо, самоценность и соответствующие права для тех реальностей, которые остаются за рамками нас самих. Теперь мы смотрим более широко, чем прежде, на то, кого можно считать настоящей «личностью», но вспомним, насколько медленно расширялся круг лиц, признаваемых полноправными, пока в него не были включены чужестранцы, бродяги, младенцы, дети, негры, евреи, рабы, женщины, заключенные в тюрьмах, старики, душевнобольные, калеки, а теперь мы уже определяем нравственный статус плода в утробе матери. Экологическая этика ставит нас перед проблемой, не должны ли мы сделать еще один шаг на этом пути универсализации и признать самоценность любого члена экобиотического сообщества.

Поставим теперь ряд вопросов. Существуют ли, во-первых, нравственные чувства субэкологического характера, которые стали бы предпосылкой для формирования экологической совести? И во-вторых, является ли экологическая этика чем-то по-настоящему самостоятельным или же она сводима к какому-нибудь переосмыслению традиционной гуманистической этики? И наконец, как правильно понять требование, чтобы экосистема достигала состояния наиболее полного и совершенного выражения своих высших качественных характеристик, и какие

понятия, относящиеся к природе, пригодны в качестве основания для подобных оценок?

1. Можно предполагать, что оценка биотического сообщества в немалой мере складывается из ценностей его компонентов, если она от них зависит, в противном же случае она будет определяться характеристиками формы его как целого. Давно уже сложилась традиция, которой на Западе если и пренебрегали, то главным образом из философских соображений. Эта традиция видит нравственный долг в том, чтобы не заставлять животных страдать без особой нужды: «Праведный печется и о жизни скота своего» (Притч 12.10, синодальный перев.). Обратим внимание на так называемые «гуманные» общества с их законами против боя петухов, травли медведей, боя быков (у нашей нации) и против кастрации бычков во многих странах. Мы также запрещаем детям мучить кошек, возбуждаем судебное преследование тех хозяев, которые скверно обращаются с лошадьми и заставляют их голодать. Мы нравственно осуждаем даже охотника, преследующего раненого оленя. Животных следует избавлять от напрасных страданий, но это никак не следует из собственно экологических соображений и тем более из аргументов, отсылающих к благодати природы. Исходным основанием здесь является признание животных существами самоценными, следовательно, они обладают чем-то вроде прав, а если они и не обладают ими в действительности, на нас, уж во всяком случае, возлагаются определенные обязательства.

Нынешние все более единодушные призывы не разрушать жизнь и не уничтожать ее виды прямо не связаны с вопросом о страданиях живых существ. Они воспринимаются как своего рода откровение нашего времени. Мы защищаем орлов от бессмысленного истребления, уже не думая об их страданиях. Даже самые разболтанные охотники, стреляющие ворон, считают нужным оправдываться ныне ссылками на то, что вороны-де наносят урон урожаю зерновых. Им приходится объявлять волков зловредными существами, чтобы затем с энтузиазмом их убивать. Они уже не могут позволить себе, ничем не прикрываясь, убивать просто ради удовольствия. Когда разливают нефть и губят много птиц, это вызывает у нас отвращение. Сьерра-клуб ратует за сохранение серых медведей гризли или курлыкающих журавлей, привлекая соображения о том, что эти виды важны для достижения достаточно важных

целей — они нужны как незаменимые компоненты экосистем, без них не обойтись в научных исследованиях или же их нужно оставить просто на радость детям. (Мы еще вернемся к аргументам такого рода.) Но если проявить настойчивость в дальнейшем выяснении, почему они все-таки выступают в защиту жизни, ответ будет таков: нельзя уничтожать эти виды, потому что они прекрасны. Но экосистемы сами время от времени жертвуют то одними, то другими формами жизни, значит, защитники жизни опираются уже не на экологический долг. Но это не очевидно, поскольку оценка значимости какого-либо вида жизни выводится, как мы видели, из экосистемного целого. Несмотря на это, мы настаиваем, что и экологически не особенно нужные виды жизни тоже не должны исчезать, поскольку, входя в биотическое сообщество, «они имеют право на сохранение»¹¹.

Ссылки на экологические аргументы часто приобретают большое значение. Чтобы оправдать необходимость сохранения Сводчатой Пещеры (Cades Cove) в Национальном парке Великих Мглистых гор, охотно указывают на то, что в ней живут редкие саламандры. Некоторые уникальные виды бабочек встречаются лишь на уединенных лесистых холмах среди африканских лугов. В былые дни неразборчивые в средствах коллекционеры придумали такой способ резкого повышения рыночной стоимости коллекций, который не может не вызвать справедливого возмущения: собрав несколько сот экземпляров редкого вида, они затем выжигали растительность холма, чтобы навсегда погубить всех оставшихся. Подобные действия, безусловно, заслуживают только морального осуждения. И дело не только в грехе гордыни — важнее, что единственные в своем роде виды бабочек уничтожались без всякой разумной необходимости. Однажды я отказался взять для своей коллекции необычные папоротники из Теннесси, считая нравственно недопустимым наносить вред данному виду растений. Свой отказ можно было бы оправдать и тем, что сохранение папоротников принесет радость другим людям, но это меня уже меньше заботило. Подобные виды жизни находятся под особо сильным экологическим давлением и тем не менее не только выживают, но кое-где даже процветают — в немногих экологических нишах. Одно дело — если их отбраковывает естественный отбор, и совсем другое — когда они быстро гиб-

нут из-за произвола человека. Естественная смерть и преднамеренное убийство — вещи разные.

Вспомним теперь и о ландшафтах. Мы сохраняем природу там, где ее красота выразилась особенно ярко, — назовем Великий Каньон, Радужный Мост (Rainbow Bridge) или же Вечные Болота (Everglades). Было бы странно заявлять, что они обладают «правами» по отношению к людям, ибо любые предложения присвоить таким вещам права всегда звучат лингвистически нелепо, но когда мы заявляем, что их нужно сохранять именно из-за их уникальности, красоты и величия, мы в теоретическом отношении заходим весьма далеко. Может ли «чудо природы» служить только средством для целей человека, если он ждет от природы духовной радости и эстетического наслаждения? Трудно ответить однозначно. Некоторые считают, что если ответить утвердительно, тогда природа рискует попасть в положение страдающей стороны или даже будет просто проституирована. Нам же хотелось бы отдать предпочтение другому ответу: человек обретает радость в основном благодаря тому, что природные образования прекрасны сами по себе. А если мы считаем одни ландшафты лучше других, это не означает, что последние лишены ценности. Ради ценностей более высокого порядка ими, наверное, можно и пожертвовать. Можно решить и так, что избранный нами ландшафт является достаточно хорошим представителем целого класса ландшафтов, и не беспокоиться об остальных. Но когда мы решили сохранять какой-то определенный ландшафт, значит, мы хорошо поняли, в чем его ценность, и правильно представляем себе, что должны делать. И знание своего долга побуждает нас быть ответственными не только в отношении мест приятных и гостеприимных. Нас влечет к себе и красота совершенно дикой природы — пустынь, тундры, арктических краев, моря. Здесь мы находим такую красоту, которую нам не хотелось бы видеть потерянной, несмотря на то что планетарные силы постоянно меняют облик ландшафтов и, конечно, уже нет былой природы, которая по-своему тоже была прекрасна.

2. Не найдется ли в предлагаемой здесь первично экологической этике некая форма долга, независимая от экологического содержания? Леопольд настаивает на сохранении экосистем, и, если его предписание считать простым следствием примата человеческих интересов, тогда через них же нужно определять и скрытый долг-предпосылку,

а именно выводить его из тезиса «мы должны максимизировать благо человека». Если мы с тех же позиций предпишем «максимизировать благо экосистемы», мы не выйдем за рамки корпоративного антропоцентризма, «человеческого шовинизма», и никогда не достигнем планетарного альтруизма. Если же настаивать на достижении наилучшего состояния экосистем — это даст нечто большее, чем только разумное средство достижения благосостояния человека. В таком случае наш долг-предпосылка перестает быть только первичным экологическим долгом и превращается в экологический долг по существу, не теряя специфики всего, что относится к человеческому благоразумию. Сказанное уже знакомо нам по примерам, данным выше.

Большая часть нынешнего экологического морализирования смешивает биосистемное благо с ролью человеческих интересов, даже когда есть достаточно полное понимание ценностей природы во всем их богатстве. К примеру, вспоминая Леопольда, Рене Дюбо предлагает расширить Декалог, включив в него одиннадцатую заповедь: «Ты должен бороться за высокое качество окружения». Предложение обосновывается указаниями на то, что со временем любой «ресурс» природы будет для нас важен. К примеру, дикую природу и наиболее разнообразные экосистемы следует сохранять ради их научного значения или из эстетических соображений. Музеи природы станут лабораториями. Виды жизни, которые сейчас бесполезны, когда-нибудь потом будут нужны. А большое разнообразие экосистем гарантирует их устойчивость, особенно если мы ошибемся и дадим импульс к развалу экосистем через свои монокультуры. И наконец, красота дикой природы внесет свой вклад в духовное качество жизни. «Следовательно, если даже исходить только из эгоцентрических побуждений, мы должны сохранять разнообразие и гармонию в природе. ...Дикая природа — это не роскошь, она необходима для защиты гуманизированной природы и для сохранения душевного здоровья»¹².

Сама формулировка «если даже исходить только из» указывает на то, что подобные аргументы не являются фундаментальными независимо от того, достаточны они или нет. Более глубоко коренятся неэгоцентрические аргументы, согласно которым нужно уважать «внутренние качества» фауны, флоры и ландшафтов и «способствовать их развитию». Западная цивилизация упорно твердила

с «преступным самомнением, что природа — это прежде всего источник сырья и энергии для целей человека», а также насаждала «грубое убеждение, что человек — единственная ценность, с которой следует считаться, распорядясь миром, и что всю природу вне человека можно без раздумий приносить в жертву его благосостоянию и прихотям». «Экологическая совесть» не отрицает, что человек призван гуманизировать природу, но она чувствительна и к другим ценностям. В итоге — поразительный парадокс, когда приходят к утверждению, что человек лишь тогда открывает, в чем состоят его самые подлинные интересы, когда он дает природе достигнуть своей внутренней полноты. «Просвещенный антропоцентризм знает, что в широкой перспективе благо для мира всегда совпадает с наиболее осмысленным собственным благом человека. Человек может обладать природой ради своих лучших интересов, только если он полюбит ее ради нее самой»¹³.

В экологическом мышлении часто встречается подобное совпадение человеческих и экосистемных интересов; в этическом плане оно сбивает с толку, но представляется плодотворным. Если редуцировать экологическую ответственность просто к интересам человека, это, конечно, не удовлетворит по-настоящему те нравственные требования, которые страстно предъявляют экологи, и как только мы увидим, чего они хотят, мы совершенно по-другому увидим всю этическую панораму. Суть происшедшего изменения — в снятии любого жесткого барьера между человеком и миром. Экология ничего не хочет знать о закрывшемся человеческом Я, занявшем позицию над миром и противопоставившем всей природе. Прислушаемся, например, к Полу Шепарду: «Напротив, экологическое мышление требует раскрытия видения жизни, свободного от всех ограничений. Слой кожной эпидермы человека экологически подобен поверхности пруда или же лесной почве, это не скорлупа, чья толщина едва позволяет взаимодействовать через нее. Экология раскрывает новое человеческое Я — расширенное и облагороженное, свободное от опасений за себя; оно принадлежит ландшафту как его часть, ибо красота и сложность природы — это продолжение нас самих»¹⁴. В кровеносно-сосудистую систему человека входят как вены и артерии, так и реки, океаны и ветры. Расчистка дна пруда немногим отличается от пломбирования зубов. Выражаясь метафорически, челове-

ское Я сплелось с экосистемами во множестве метаболических процессов. Мир — это мое тело.

Такой подход к делу позволяет поставить под вопрос, а затем и вовсе отвергнуть любые попытки интерпретировать экологическую этику как замаскированный эгоцентрический интерес человека, потому что, когда Я расширяется до масштабов природной системы как целого, их интересы сходятся воедино. Если придерживаться более ограниченной точки зрения, можно остановиться на утверждении, что максимизация блага экосистемы служит максимизации блага человека, но из этого едва ли следует, что первое просто средство для второго, поскольку и то, и другое ведут к одному и тому же, только по-разному описываемому. Мы хорошо знаем, что такое эгоизм или же эгоизм вдвоем, втроем, вчетвером, семейный или клановый эгоизм. Но здесь уже эгоизм системы, как свидетельствует этимология слова «экология», смысл которой — земля как наш дом. Эгоизм и альтруизм сливаются в своеобразное планетарное братство. Не сказать ли лучше, что эгоизм превращается в эгоизм? Если, обращаясь к промышленникам или конгрессменам, защищать интересы экосистем в качестве средства защиты интересов человека, результатом будет слишком узкий подход. Мы, конечно, можем, если захотим, начинать свои речи со ссылок на важность максимизации блага человека, но значение таких речей ограничивается только риторическими или прагматическими соображениями. Как только мы обратимся к экологии, мы сразу увидим, что все ссылки на благо человека нужно переформулировать уже как необходимость максимизировать экосистемное благо. Долженствование в нашей классической этике должно быть преобразовано, выведено за свои старые рамки и «расширено до размеров» экосистемного долга.

В целях иллюстрации сошлемся на одно наблюдение, позволяющее утверждать, что биотически-экологическая сложность находится в единстве с полнотой и богатством человеческой жизни. Хорошо установлено, что устойчивость и целостность экосистем являются функцией их разнообразия; часто замечают также, что сложные формы жизни возникают и развиваются только в достаточно сложных окружениях. Соответственно, и долгая эволюция человека стала возможной лишь благодаря стимулирующему воздействию многих видов окружения — морских, лесных, саванн, тропических, умеренных и даже арктических.

Даже если человек живет вдали от них, они вносят свой вклад в поддержание его жизни. Человеческая жизнь была бы под угрозой, если бы не было океанов, лесов, лугов. Итак, человеческая жизнь во всей своей сложности — это результат сложности окружающей природы.

Эта сложность не является чисто биологической, она имеет также ментальные и культурные измерения. Для наиболее полного духовного развития человеку нужно изобилие форм и видов его окружения. Шепард весьма красноречиво проводит идею «универсальной мудрости», когда говорит в своей «Ниспроверяющей науке»:

«Разум приматов в своей внутренней сложности воспроизводит в себе сложность природы; вторую из них можно измерить величиной разнообразия видов растений и животных, первая же оценивается величиной разнообразия нервных клеток, и обе эти величины вполне соотносимы между собой. Существование разных видов в изобилии и стало условием формирования разума высокого уровня, способного справиться со сложностью окружающего мира, и это условие вовсе не утратило своего значения. Нельзя сказать, что человек стал тем, кем он является в мире, наподобие того, как если бы он прибыл в город на поезде. Человек продолжает становиться человеком и поныне... Для экологии человека центральной стала идея сложности природы, которая получила значение, однопорядковое с идеей сложности и запутанности человеческих отношений. Создание великого порядка природы не только включило в себя человека, но и охватило также множество видов живых существ и мест их обитания, сформировав более чем достаточно самых разных ландшафтов, как богатых, так и бедных расгительностью. Даже пустыни и тундры обогащают разнообразие планеты. Сокращать их — значит ампутировать что-то у самого человека. Все пустыни, дельты рек, тундры, ледники, болота, степи, торфяники легко назвать бесполезными «пустошами» и предложить превратить их в поля или урбанизированные территории, но такие действия вовсе не обогащают, а обедняют жизнь — и в эстетическом, и в экологическом отношении»¹⁵. Прогоните орлов с неба, и Вы ощутите духовную потерю. Во всяком ландшафте есть внутренняя глубина — ментальность и экологические горизонты сопоставимы между собой.

Во всем этом можно увидеть необычный способ защиты идеи сохранения экосистемы в целях обеспечения

эгоинтересов человека, но его Я настолько расширилось, что переопределилось в экосистемных терминах. И уже нельзя считать антропоцентрическим то понимание блага человека, которое мы получаем в его экологически обогащенной трактовке. Человек по-прежнему дает «хорошую» или «плохую» оценку состоянию экосистемы, но уже не с узких антропоцентрических позиций, а в рамках единства его Я с другими видами жизни. Заняв сформированную позицию, мы приходим к таким этическим темам, которые знакомы по другим источникам, но скорее всего не получили еще убедительной теоретической разработки, а именно: эгоинтерес и человеколюбие не обязательно несовместимы, особенно если личное удовлетворение считать производным от блага других; если предмет этической ответственности понять как самоцель, можно подняться над эгоцентрической нравственностью; собственная нравственная чистота достижима, когда признается право других на нравственную чистоту.

3. Экологическая этика имеет определенные ограничения, но она же должна развиваться, и не следует упускать из виду ни то, ни другое. Будучи духовно-нравственной по источнику, она не может заменить свои задачи на задачи функционирования социально-личностных образцов поведения. Она вводит в сферу этики тот мир, который прежде считался совершенно лишенным ценностных характеристик и рассматривался с точки зрения полезности и целесообразности. Новый этический параметр не абсолютен по значению, а соотносен с классическими критериями. Расширение сферы этического охвата усиливает конфликты между ценностями, потому что разные виды блага человека должны быть приведены к взаимно согласованному сосуществованию с разными видами экосистемного блага. Для конкретной операционализации решения такой задачи потребуются новая казуистика. Конфликты между индивидами и партиями, права членов экосистем, разрыв между реальностью и идеалами — все это создаст множество затруднительных ситуаций для поиска этически правильных решений, несмотря на то что человеческие и экосистемные интересы будут взаимно содействовать друг другу.

Как бы благосклонно ни смотреть на целое, его не следует превращать в идола, исключая тот случай, когда его можно рассматривать как своего рода космос, в котором интегральное единство охватывает и ограничивает любо-

го участника-индивида, но не подавляет его. Речь идет здесь о переносе основного акцента не с человека на других участников экосистемы, а с любого индивида как такового на всю систему в целом. В некоторых случаях ценности персонализируются, но сообщество остается ведущей инстанцией, определяющей ценностную основу. Разумеется, это не лишено прецедентов в других сферах деятельности вне экологии, поскольку мы даем согласие на то, чтобы ценности связывались с государством, нациями, церквями, правителями, корпорациями или общинами. И они обеспечивают ценностям опору благодаря тому, что в структуре соответствующих организаций индивиды получают свою выгоду. Сходство с экосистемами здесь есть, причем в социальной сфере даже больше ощущается размытость границ между индивидом и системой, когда невозможно сказать однозначно, что же первично — ценность системы или же ценность индивида.

Леопольд и Шепард не ставили своей целью покрепче законсервировать состояние экосистем, как они есть сейчас. Несмотря на свой презервационистский язык, они призывают заботиться о благосостоянии биосистем, допуская возможность менять их и использовать в рамках разумного природопользования¹⁶. Мы вовсе не должны преданно и без всяких вопросов служить существующим экосистемам, как если бы они были лучшим, что только возможно. Человек вправе видеть себя «гражданином» экосистем или даже их «царем» и ставить перед собой задачу управлять ими, полностью отдавая себе отчет, что до сих пор, несмотря на всю успешность эволюционного процесса, создавшего экосистемы, они все еще остаются его неполным и неокончательным результатом. Мы с благоговением относимся к земной природе, но мы вправе позволить себе «гуманизировать» ее, на чем особенно настаивал Р. Дюбо¹⁷. Своими действиями человек вторгается в ход спонтанных природных процессов и перестраивает их. Такое отношение к природе просто обязывает к тому, чтобы окультуривать природу, ибо природное богатство в какой-то мере потенциально ориентировано на поддержание человеческой жизни. Поэтому мы признаем оправданность творческой деятельности человека в этой сфере, необходимость ее развития, динамизма и открытого отношения к миру.

Время от времени на арену природной жизни приходят новые биологические виды, тогда как прежние ее поки-

дают; можно предположить, что естественный отбор постоянно испытывает биологические виды, способны ли они сосуществовать с человеком. Силы горообразования и эрозии постоянно преобразовывают окружение, его может менять и человек. Все это должно вносить вклад в создание красоты, целостности и устойчивости планетарной биосистемы, а не разрушать их. Необходимо найти разумно обоснованное и убедительное решение проблемы, как изменять природу, чтобы ее обогатить, и тогда мы сможем со спокойной совестью жертвовать имеющимися ценностями ради ценностей, более значимых. Решение такой проблемы позволит нам считать нравственно правильным не просто сохранение экосистем в их наличном состоянии, а мудрое хранение их красоты, устойчивости и целостности.

Должное далеко не всегда совпадает с сущим, но есть один аспект, связанный с этимологией вновь вспоминаемого термина «экология». Лучше всего она воспроизводится в виде образа человека в мире как его «доме». Человек принимает мир как благо и заботится о природе, хранит ее. Если опираться на чисто естественнонаучные описания экосистем, можно считать оправданным нейтральное использование термина «устойчивость», но те же описания ориентируют и на оценочные характеристики экосистем, на их целостность и красоту. Сюда надо добавить еще и специфическую реакцию экологов на свои собственные открытия, ведущую к изменению сознания. Целостность и красота стали явственны там, где еще недавно их просто не замечали; отчасти это произошло благодаря установлению новых фактов, связанных с экологической взаимозависимостью, приспособлением к среде, гидрологическими циклами, популяционными ритмами и обратными связями, а отчасти и благодаря преобразованию представлений о том, что считать красотой и целостностью, ибо знания о мире и понятия о мире взаимно трансформируют друг друга.

Мы не можем здесь охватить во всей полноте, насколько меняется наше общее понимание природы под влиянием экологических знаний, но основное направление изменений мы указать сможем. После того как Дарвин в свое время выдвинул концепцию биологической эволюции, распалось прежнее понимание природного мира как великого разумного устройства, и природа стала восприниматься как «одиозная сцена насилия»¹⁸, а ее законы

стали называть беспорядочными, случайными, хаотичными, слепыми и жестокими. Этот образ лег в основу широко разошедшейся трактовки концепции Дарвина, трактовки, неправильно представившей, однако, суть самой концепции. Не приняв указанную интерпретацию экология как наука по-иному взглянула на последарвиновские природные джунгли и стала все настойчивее рассматривать конфликты в живой природе включенными в рамки общей динамической организации жизни на Земле. Дикость и жестокость природы предстали намного менее необузданными и грубыми, чем думали ранее, что позволило выдвинуть предложение относиться к экосистемам не просто с благоговением, но и с «любовью, уважением и восхищением»¹⁹. Экологическое мышление «ведет нас к невыразимому удивлению и радостному «да» жизни»²⁰. Оппозиции в экологических моделях, конечно, остаются, но они «контрапунктированы». Система в целом успешно сопротивляется негативным тенденциям той самой жизни, которую она же и поддерживает; именно это сопротивление не в меньшей мере чем воздействие окружения стимулирует жизнь. Целостность биологических видов и индивидов является результатом взаимопереплетения процессов созидания и разрушения, становления и распада, пожирания одних существ другими и их симбиоза. Когда постдарвиновская трактовка достигла вершины своего успеха, Дарроу охарактеризовал нашу планету как жалкую «бородавку»²¹ на теле Вселенной, совершенно непригодную для жизни вообще и особенно человеческой жизни; теперь же мы считаем Землю хорошо защищенным оазисом жизни в космосе. Гармония природы часто поражает нас своим совершенством, и с нашей незрелостью нечего удивляться нашим промахам и ошибкам, с которыми мы вторгаемся в природный мир; поразительно другое — несмотря на промахи человека Земля все еще не утратила всей сложности, тонкости и согласованности организации жизни.

Человек включен в природные системы и не свободен от давления со стороны окружения, но во взаимодействиях с миром становится достижимой полнота человеческой жизни во всей ее обусловленности экосистемным контекстом. Следовательно, необходимо воздать должное достоинству природного мира как партнера человека. С недавнего времени мир перестал быть для нас угрозой, за исключением тех случаев, когда мы сами нару-

шаем его порядок. Этим полностью отрицается то отчуждение от природы, ощущение которого пронизывает современную литературу, рисуящую образ совершенно неуправляемой и весьма неприятной природы, за которой надо постоянно следить, возмещая наносимые ею потери. Весьма типичен современный человек, который, опираясь на технику, закрепил дистанционные отношения с природой, становится все компетентнее и все менее склонным принимать что-либо на веру; уже будучи великим и неуклонно возрастая в силе, он разворачивает бурную деятельность, одновременно отдаваясь ходу событий в равнодушной, а может быть и враждебной к нему Вселенной. Природный мир представляется ему в лучшем случае гигантской заправочной станцией, в худшем же он воспринимает его как «тюрьму» или как «ничто». Экологический человек смотрит на мир совершенно другими глазами: среди природы он как у себя дома, бережно и благоговейно хранит он все ценное, что дает ему мир. Новое настроение отчасти проявилось и в общественных реакциях на космические исследования, особенно под влиянием фотографий нашей планеты из космоса, а также ностальгии астронавтов по земной родине, пробудилась новая любовь к нашему «космическому кораблю Земле», проявилась готовность пойти на примирение с природой.

Мы, конечно, не будем защищать идею, что естественный ход событий всегда и во всем способствует росту благосостояния экосистем, и не станем примитивизировать этику, некритически принимая все, что только можно назвать естественным. Мы — вовсе не в Эдеме. И все же экологические исследования все дальше продвигаются вперед, раскрывая красоту, целостность и устойчивость природного мира, и, полагаясь на эту тенденцию, мы уже не препятствуем природе понемногу воздействовать на преобразование фундаментальных этических представлений, относящихся к естественному порядку вещей. Однако не только экологические исследования меняют наше понимание природы. Есть еще и разработка эволюционного учения. Правда, мы вполне можем решить вопрос о ценности существующих экосистем независимо от их происхождения. Сделать иначе — значит совершить генетическую ошибку. Любое лицо следует считать полноправным независимо от того, что им унаследовано, и вполне допустимо, чтобы эволюционный процесс низменного характера создал экосистему, которой мы будем пользоваться, не

видя в этом ничего нравственно предосудительного. Всякий, кто знаком с палеонтологией, хорошо понимает, что эволюционный процесс вовсе не без потерь и ошибок формирует оптимально устойчивую и прекрасную экосистему. Многие собственно экологические механизмы являются также и эволюционными, следовательно, эволюцию можно экологически переосмыслить, то есть по-новому описать ход эволюции и определить, как, чем и в какой мере природа обогатила данную экосистему в ходе экологической истории со столь характерными для нее поисками вслепую, борьбой за существование, мутациями, естественным отбором, беспорядочностью процессов и их усреднениями. В качестве примера сошлемся на ископаемые окаменелые остатки древних форм жизни. Не без ужаса смотрим мы вначале на кладбища живой природы, но затем сквозь картину разрушений и смерти начинает угадываться облик когда-то существовавшей экосистемы как целого. Аналогично и в облике ныне живых экосистем нужно искать выражение их скрытой сути, и тот, кто найдет глубинную истину об этой сути, придет и к настоящей экологической этике. Предписывая достигать наибольшей полноты выражения лучших экосистемных качеств, подлинная экологическая этика даст достойный ответ на призыв к человеку войти во внутреннее единство с механизмами действия самой Вселенной. Тот, кто сможет соединить правильное понимание своего нравственного долга с глубоким пониманием природы, придет в конечном итоге и к подлинной натуралистической этике.

История науки Нового времени убедительно раскрыла перед нами опасность построения всего мировоззрения в целом по образцу созданного тогда естествознания. Но не менее опасно создавать мировоззрение, игнорируя его связь с наукой. В значительной мере мы формируем свои ценности в соответствии с нашими представлениями о том, какова Вселенная, где мы живем, но полной ясности относительно источника самих ценностей мы не имеем. Воспользовавшись этой неясностью, естествознание отвергло несколько столетий назад прежнее мировоззрение и связанные с ним ценности, дав собственную переоценку того, каков же мир. В первую очередь это Коперник и Ньютон, затем был Дарвин, под тенью которого мы еще недавно жили. Экологическая революция может оказаться не менее значительным событием, но она совсем по-другому раскроет перед нами мироздание.

Надо отметить, что сам Дарвин оказался более плодотворным, чем его интерпретаторы. В «Происхождении человека» он прослеживает естественную историю становления самой благородной человеческой черты — его нравственного чувства — и отмечает, что в ходе эволюции «уровень нравственности человека возрастает все выше и выше». Вначале у каждого преобладает эгоинтерес. Затем по мере развития совести человека происходит неуклонное расширение сферы охвата окружающей жизни, на которую направлены его «социальные инстинкты и симпатии»: вначале это семья и род, затем он «все более и более считается не только с благосостоянием, но и со счастьем всех своих братьев-людей», далее «его симпатии распространяются вширь — он заботится уже о людях разных рас, о слабоумных, увечных и других бесполезных членах общества и, наконец, — о низших животных»²². Не добавим ли мы вслед за фауной также и флору, ландшафты, моря и экосистемы? Есть нечто величественное в эволюции совести, все более отзывчивой на жизнь в целом, на все ее формы. Если так, то весь Леопольд укладывается в рамки дарвиновского видения. Впрочем, большая часть теперешних поисков экологической нравственности не выходит за рамки вторично экологической этики из-за ограничений непосредственными практическими нуждами и общей ориентации на «консервацию» экосистем. В таких поисках можно ограничиться лучшим уяснением их концептуальной основы и правильно соединить этику, науку и человеческие интересы. Но собственно этическая суть вопросов останется вне такого соединения, она проявится в глубинной переоценке ценностей, когда в ходе нравственно-этического творчества произойдет становление и развитие самой совести. «Топография» этой области почти неизвестна. Чтобы пройти через нее, потребуется смелость, и осторожность от сообщества ученых-естественников и этиков, которые вместе составят «карту» экосистемы и заложат основы этики.

По всей вероятности, конкретные практические выводы будут одними и теми же и у первично, и у вторично экологической этики. Но именно вторая из них столь вдохновляет меня, что я отдаю за нее свой голос, надеясь увидеть ее такой, какой она способна стать. Первая говорит, что человека ведет по жизни страх перед окружающим миром, вторая же предлагает человеку последовать зову любви.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Rolston III H. Is There an Ecological Ethics? — "Ethics", 1974, vol. 85, № 1, p. 93-109.
- ² Disch R. (ed.) Ecological Conscience: Values for Survival. Englewood Cliffs, N. J., Prentice-Hall, Inc., 1970.
- ³ Shepard P., McKinley D. (eds.) The Subversive Science. Boston, Houghton Mifflin Co., 1969.
- ⁴ McHarg L. I. Values, Process and Form. — In: Disch. Op. cit., p. 21.
- ⁵ Revelle R., Landsberg H. H. (eds.) America's Changing Environment. Boston, Beacon Press, 1970, p. XXII.
- ⁶ Shepard... Op. cit., p. 401.
- ⁷ Hardin G. The Tragedy of the Commons. — "Science", 1968, 162, p. 1243.
- ⁸ Colwell T. B. Jr. The Balance of Nature: A Ground for Human Values. — "Main Currents in Modern Thought", 1969, Vol. 26, № 2, p. 50.
- ⁹ Леопольд О. Календарь песчаного графства. М., 1983, с. 221.
- ¹⁰ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 1958, с. 95, 97.
- ¹¹ Леопольд. Цит. соч., с. 208.
- ¹² Dubos R. A God Within. New York, Charles Scribner's Sons, 1972, p. 166-167.
- ¹³ Ibid., p. 40-41, 45.
- ¹⁴ Shepard... Op. cit., p. 2.
- ¹⁵ Ibid., p. 4-5.
- ¹⁶ Леопольд. Цит. соч., с. 230-232.
- ¹⁷ Dubos. Op. cit., ch. 8.
- ¹⁸ Mill J. St. Nature. — In: Collected Works. Toronto: University of Toronto Press, 1969, v. 10, p. 398. Это высказывание характерно для миллесской оценки природы.
- ¹⁹ См.: Леопольд. Цит. соч., с. 220.
- ²⁰ Shepard... Op. cit., p. 10.
- ²¹ Darrow C. The story of My Life. New York, Charles Scribner's Sons, 1932, p. 417.
- ²² Darwin Ch. The Descent of Man (new ed.). New York, D. Appleton & Co., 1895, p. 124-125.